

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

В. М. АЛЕКСЕЕВ

АРТИСТ-КАЛЛИГРАФ И ПОЭТ О ТАЙНАХ В ИСКУССТВЕ ПИСЬМА

Китайская поэма

Посвящаю эту мою печатную работу дорогому юбиляру и товарищу, академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому, arbitro scientiarum ac elegantiarum, который, как никто другой, поймет эту поэму во всей ее сложной целостности и, вместе с переводчиком, оценит роль подобной поэтической гиперболы в культурных идеалах Китая и, может быть, других стран Востока, этими идеалами часто преисполненных.

Когда в 1916 г. я опубликовал свой перевод и исследование под заглавием: „Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту“, я очень соблазнился желанием инкорпорировать в эту книгу свои переводы „Китайской поэмы о художнике“ (Хуа пинь) и „Китайской поэмы о каллиграфе“ (Шу пинь). Однако отчасти боясь сильно увеличить размеры книги, которые и без того были необычны, а равным образом боясь трудностей текста, не имевшего ни строки комментария и каких-либо заметок, я ограничился переводом лишь ничтожной части обеих последних поэм. Обстоятельства, увы, за эти 30 лет не изменились, и я попрежнему предоставлен самому себе, что опасно, но еще более соблазнительно, чем раньше, и я решаюсь перевести здесь пока одну из этих двух поэм, имея конечную своей задачей опубликовать в ближайшем будущем целую книгу на эти три темы, под названием: «詩品畫品書品 Ши пинь, Хуа пинь, Шу пинь. Поэт — Художник — Каллиграф. Китайская трилогия». В эту книгу войдет и настоящая поэма, с большим предисловием и с особым синтезом, а равно с исправлением тех недостатков, которые найдут, несомненно, в этой моей работе читатели, во главе с тем, кому работа посвящается особо, и за указания которых я буду очень признателен всем, и ему особенно.

Поэма каллиграфа Ян Цзин-цзэна (автора XIX в.) есть точно такое же сплошное подражание (вплоть до пародии) «Поэме о поэте» Сыкун Ту, как и «Поэма Хуан Юе о художнике» — Хуа пинь. Наилучшим предисловием к ней является, таким образом, вся моя книга 1916 г., и здесь я ограничусь простым напоминанием о том, что, по мнению Ян Цзин-цзэна, идеалом для настоящего вдохновенного каллиграфа является, как и для подлинного артиста-художника, а также для поэта все то же Дао (по Лао-цзы, а не по Конфуцию), немислимое, сверхчеловеческое начало, которое, поселяясь в душе сверхчеловека (в данном случае, поэта —

художника — каллиграфа), погружает его как бы в некий транс, сверхчувственное познание истин, недоступных не-поэтам, не-художникам, не-каллиграфам, или же плохим поэтам, плохим художникам, плохим каллиграфам. Попрежнему, вдохновение артиста-каллиграфа исповедано в 24 его фазисах, принявших форму 24 стансов, как и в предмете подражания, поэме Сыкун Ту.

Автор этой поэмы, Ян Цзин-цзэн, с литературным именем Инь-тан, и литературными прозваниями: Чжао-линь и Чжу Су Юань Дин, по сведениям географического обозрения Лю-ань-чжоу чжи,¹ т. е. округа, в котором автор родился и жил (изд. 1872 г., гл. 33), был уже общественно признанным эрудитом и эстетологом в 1812 г., несмотря на то, что официального экзамена он так и не выдержал.

Он был главой компании выдающихся эстетов и эрудитов общеизвестного китайского типа того времени, в которую, между прочим, входил и художник Хуан Юе (с литературным именем Хуан Цзо-тянь и Хуан Цзо-цзюнь, в конце жизни Ман Цзо (слепой Цзо) (1750—1841), который зарисовал эту компанию среди её ученых занятий и поэтических пиров.²

Его друзьями были опубликованы (в ксилограммах) его сочинения, отражающие его изысканно литературное и подчеркнуто эстетическое настроение (и фэн-я цзы жэнь). К их числу биограф упомянутого обозрения относит, например, „Антоэпию Антологии Сяо Туна“, Вэнь Сюань цзи цзюй; „Маленькую книгу о Таком же Рае“, Сяо Ланхуань цзи, — расходы по гравировке и печати которых взяли на себя некоторые члены этой компании вскладчину.

Плодами его классической эрудиции явились книги: „Комментарии к текстам древних классиков и историков“, Цзин ши чжуань чжу; „Антологический сборник поэзии всех времен и стилей“ Гу-цзинь ши-вэнь-фу цза чжу, и др.

Это был страстный коллекционер знаменитых каллиграфических автографов, начиная с патриарха китайской каллиграфии Ван Ся-чжи, знаменитейшего поэта-стихиста-художника-каллиграфа Су Ши, и вплоть до современников, причем в его коллекции встречались исключительные раритеты.

Он весь день, бывало, посвящал прилежному штудированию и копированию их, добываясь овладения самим духом и мозгом каллиграфа (хуан дэ шэньсуй). Кроме того, к наиболее древним образцам он давал свои эрудированные послесловия и эстетические оценки — всё это в своей собственной артистической каллиграфии, которая часто наносилась на стэлы и ценилась до обожания, эстампировалась и поступала в коллекции знатоков и любителей этого высокого искусства. В других своих сочинениях он выступает, как обычный для китайского эрудита тип полиграфа, и пишет, вместе с переводимой мною ниже поэмой о каллиграфе (Шу пинь), еще: „Поэзию каштана“, Ли пу; „Избранные оды и уставные

¹ Я чрезвычайно обязан американскому коллеге, директору Восточного отдела Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, известному синологу-библиографу, г. Артуру У. Хамму (Mr. Arthur W. Hummel) за любезную присылку мне фотокопии китайского текста биографии Ян Цзин-цзэна.

² Хуан Юе является точно так же автором примечательной поэмы Хуа пинь „О картинах“, переведенной мною в статье „Китайский поэт-пейзажист о своем пейзаже и вдохновении“ (Ленинград, журнал „Звезда“, 1945, № 12), и его влияние на поэму Яна, а также общий источник их подражания, поэма Сыкун Ту, Ши пинь, „О поэзии“, — несомненны.

стихи с новыми примечаниями“, Люй-фу сюань цин цзэн чжу, и, наконец, трилогию „Поэт—художник—каллиграф“ Ши-хуа-шу сань пинь.¹

Таким образом, перед нами — каллиграф, эрудит, знаток-артист, искренности которого можно верить, как основанной не на простом любительстве, но на глубоком понимании дела. Исходя из этого, я отнесся в своем переводе чрезвычайно бережно ко всем его образам, как бы ни казались они читателю, незнакомому с тайнами китайского каллиграфического искусства, эксцентричными, нелогичными, — может быть, даже заумными.

Однако я далек от преувеличенных выводов и синтезов этого искусства, подсказывающих его проповедникам, вроде профессора и писателя Линь Юй-тана, например, следующие строки:² „...И остаётся, значит, какому-нибудь западному художнику стать на стезю пионера и заняться упражнениями в английской каллиграфии, лет этак на 10 с кистью в руке, и, тогда только, если он талантлив и понимает анимистический принцип по-настоящему, он сумеет писать вывески на Таймзскуэре, в линиях и формах, которые действительно достойны быть названы искусством“.

Я хочу просто попытаться ввести в человеческие масштабы нечто, по-моему, совсем новое и достойное внимания, и только.

書品 舒 品 舒 品 舒 «О ХУДОЖНИКЕ ПИСЬМА»

Поэма ЯН ЦЗИН-ЦЗЭНА 楊敬增

В переводах и парафразах В. М. Алексеева

ДАО КЭ ДАО — ФЭЙ ЧАН ДАО; МИН КЭ
МИН — ФЭЙ ЧАН МИН (ЛАО-ЦЗЫ, I, 1)

П е р е в о д:

Путь, что стать может дорогой-путем, не будет
Превечным Дао-Путем.
Имя, что может названием стать, не будет
Превечное Имя (из ЛАО-ЦЗЫ)

Станс I. Божественный ритм

1. Это откуда приходит — не знаю;
Это уходит куда — не понять.
2. Признака нет изменений-аватар:
То, что творю, ведь, немыслимо мне!
3. Феникс-величество кружит и реет;
Бог-дух-дракон — весь в свободе своей.
4. Ветер вздымается в зелени лилий,
Росы садятся в „ладони святых“.

¹ Эта трилогия, без всяких разметок и комментариев, продавалась в 1906—1909 гг. в Пекине, в лавках письменных принадлежностей и бумаги, как отличное пособие для экзаменующихся эрудитов.

² My Country and My People. By Lin Yutang. Illustrated. A. John Day Book. Keynal and Hitchcock. New-York. Eighth Printing, March, 1936. — Глава „Chinese Calligraphy“, стр. 297. — Были и другие издания.

5. Кость заурядная стала другою,
Киноварь-золото в жизнь меня мчит.
6. Можно постичь мне Творца Изменений,
Трудно наметить мне „оному“ лик.

Это значит:

Божественная поэзия в кисти идеального каллиграфа подчиняется тому же зову внемысленного Великого Дао, как и поэзия поэта и художника. Её вдохновение непостижимо: оно идет вслед за Дао, Творцом Метаморфоз, и до сознания художника-каллиграфа не доходит: он не думает над тем, что творит его кисть. — Так, божественный феникс, великолепный дракон не знают для себя никаких норм и свободно реют, где хотят. Так веет свободный ветер; так садится роса на „ладони святого“ (кактус). Душа каллиграфа давно уже переродилась и ушла от грубой обывательщины: в ней поселилось животворное начало, напоминающее философский камень алхимиков, который превращает смертного в бессмертного. Каллиграф-артист может постичь тайну Дао, Творящего Метаморфозы, но отразить ее конкретно он, конечно, не в силах.

Станс II. Древне-классическое

1. Вэй, я скажу, и Чжун, назову я;
Так же и Си, а с ними и Сянь.
2. Угол и мерка отсутствуют вовсе,
Дух, существо лишь „оним“ крепчают.
3. Ханьские, Вэйские ныне реликвии,
Цзиньский и Танский полосками шелк.
4. Цвет их до-нельзя пятнисто-истлевший,
Но аромат их над чащей плывет.
5. Лютя — она уж давно обгорела...
Только что взяла орхидею с полей...
6. „Трое Династий“, и дальше, за ними:
Вот где, по правде, желанное мне!

Это значит:

Для артиста-каллиграфа древние иероглифы являются образцовыми, и подражание им должно быть безоговорочным, — но, конечно, не по трафарету, а по духу, который от этого подражания особенно крепнет в артисте. Каллиграфические реликвии древних мастеров письма (Вэй Фу-жень, Чжун Ю, Ван Си-чжи, Ван Сянь-чжи), побывав в разных руках и в разных обстоятельствах, могут выглядеть весьма несимметрично и непривлекательно, но над ними веет, как бы, ароматами, напоминающими чудные запахи диких зарослей. — Так, артист Цай Юн признал выдающееся качество люти, даже в ее обугленном виде; и орхидея, сорванная где-то на пустыре, все же, быстро опознается по запаху. — Артист-каллиграф восходит в своем вдохновении всегда к самым древним образцам, к тем Трем Эпохам, Ся-Шан-Чжоу, когда письмо было еще тесно связано с большой культурой личности писавшего, без навязчивых чиновничьих стереотипов.

Станс III. Брызжет, сверкает

1. Ваны и Се, в молодых поколениях:
Блеск и сверканье... Их слава ярка!
2. Дама почтенная дома Гуаней;
В Чженской семье одалиска-поэт.
3. Это подобно цветущему фунгу;
Это подобно росту орхидей...
4. Тушечный камень заполнил весь локоть,
Ду-эпигон воспекает цветы.
5. Месяц идет к бельведеру речному...
Дождь увлажняет весенний бутон...

6. Ветер на небе: свобода стихии!
„Милая Душечка“ правит арбой.

Это значит:

Каллиграфы славу свою передают целым поколениям, каковые в ней и утверждают. Известным этим искусством и женщины, как например, жена известного каллиграфа (XIV в.) Чжао Мэн-фу (Дама Гуань), или одалиска знаменитого ученого исследователя древнего канона Чжэн Сюаня (II в.). Каллиграфия есть та мощная сила, что цветет, как сама природа, и в самых изысканных видах. В таком подъеме вдохновения каллиграфу нужен очень большой камень для растирания туши, а поэту Ду Му — „Маленькому“ — (по сравнению с поэтом-гигантом Ду Фу) нужны были цветы для метафоры большого горя. — Настроение поэта-каллиграфа напоминает лунное сияние над роскошным зданием среди вод, или дождь, увлажняющий первый весенний бутон. Иногда же это — буйная стихия ветра, или гром, раскатисто гремящий под телегой „Крошки-Душки“ А Сян, дочери, как говорят, сердитого Громого Бога.

Станс IV. Волю герою!

1. Став во главе миллионного войска,
Рвусь сквозь три тысячи водных валов.
2. Глаз мой стреляет в твердь созвездий...
Чарку вливаю в себя в шалаше.
3. Сила и гений здесь необычайны:
„В старости следует крепче мне быть“!
4. Стать перед истинно царствующим!
Стать выше всех наслоений небес!
5. Вздвиг свою кисть, взмах сделать сразу:
— Толпы ученых повсюду глядят...
6. „Шёрстки Игла“ — то был книжный ученый:
Визирь у трона, за тронем же — вождь.

Это значит:

Каллиграф — герой, мощный владыка своего вдохновения, отдавший ему само-забвенно. Он напоминает вождя миллионов бойцов, разрезающего бурные воды своею арматой. Его взор, как стрела, вонзается в звездное небо. Его чарка льет в него вино в его убогом шалаше. Он весь какой-то необыкновенный, и с возрастом, по завету Конфуция, становится только крепче и лучше. Он на земле идет впереди самых достойных царей, а в небесах взлетает в самые выси. Стоит ему один лишь раз взмахнуть своею кистью, как толпы учнейших и достойнейших каллиграфов уже воззрились на него со всех концов земли в немом изумлении. И его кисть, прославленная, помните, знаменитым Хань Юйем в „Рассказе о Мао Ине“ (Об „Игле Шёрстки“, т. е. Об острой на конце Кисти), как некое живое существо, вводит его во дворец к государю министром, или выводит его на границу вождем победоносных войск.

Станс V. Слава и честь

1. Тушью, что золотом — так дорожу я:
Винный, и с яствами, ценный сосуд!
2. „Сладкие росы“ и „Винные воды“
Мчат мою душу, мне чудом сверкнув.
3. Выбор монет по отливу их делать!
В пташке достать ее радужный цвет!..
4. Музыка духов мой слух наполняет,
Запах божественный прямо мне в нос.
5. Это впитать в себя — дух твой помчится,
Это услышишь — не сможешь уснуть.
6. Редкость для мира... Чудесные перлы...
Мало под пару: не част, ведь, второй!

Это значит:

Слава и честь каллиграфу, каждый удар кисти которого скуп, как скуп человек на золото, или на древнюю редчайшую бронзу; он восхищает, как божественная, благодатная роса бессмертных, или как вода чудотворного ключа. — Так, каждая монета одинаково ценна, как ни выбирай ее по отливу; так, райская птица — сплошная цветная радуга. Так полон человек радости от божественной музыки и от чудесных неземных благоуханий. Если впитать в себя, как вино, это чудесное искусство великого каллиграфа, то восторгу не будет предела... Даже если услышать о нем со стороны — и то можно лишиться сна. Столь редкостные перлы вдохновения, повидимому, невстречаемы.

Станс VI. Вызволяюсь в свободу

1. Рвать в поле травы, что жизнь возвращают;
Жечь благовонья воскресшей души.
2. Выйти змеею и шествовать выдрой,
Мозг свой направив, нутро исколов.
3. Семя кедрового рост выгоняет,
В „Мыши небесной“ оставлен завет.
4. Это не связано с „Строгим вопросником“,
Это не значит в „Синем мешке“.
5. Бить себя в грудь, рисовать на ладони:
Сразу, сейчас же, так чист холодок!
6. Чудно задумав всех жил врачеванье,
Вечно оно — не посмеешь забыть.

Это значит:

Наитие каллиграфа вызволяет его из рутины, как некое волшебное снадобье; как травы, что вернут жизнь умирающему; как курения и благовония, воскрешающие дух. Он ведет свою кисть слитною змеейной трассой, осторожно лавируя, как выдра среди камней: этим он воспитает свой мозг и этим же излечит, как опытный врач иглой акупунктуры, внутреннюю болезнь. Так, семя кедровое быстро гонит рост дерева; так жир „Небесной мыши“ оставил след в рецепте сверхпрославленного каллиграфа Ван Си-чжи... — Да, но рецептов вдохновению, все же, нет! Нет их и в знаменитейших медицинских древних сочинениях, — таких, как „Строгий вопросник“ или „Синий мешок“. — С волнением в груди писать вдохновенные знаки на своей ладони — это значит сейчас же ощутить какую-то благодатную прохладу, очищающую душу. И тогда творится полное исцеление от всех недугов, и момент творчества — момент незабываемый.

Станс VII. В сильнейшем закале

1. Дух мой крепчает, как в позднюю осень:
Главным Горнилом отплавлена сталь!
2. Меч, что в руках был могучих Гань Цзяна;
Вещи из глины в руках у Гунь У.
3. Травам не вредно склониться главою;
Истина может ли в фальши пребыть?
4. Янь или Оу — в построеньи, твореньи;
Юй или Чу — в подражании им.
5. В фут полотно — пятикрасочны тучи...
В надпись воззрившись, слезал он с коня.
6. Сотни изломов и тысячи взвивов
Славное имя хранят под собой.

Это значит:

Наитие каллиграфа подобно горнилу, выплавляющему строгую сталь. Его дух теперь полон мощи, как природа в глубокую осень, когда она разит вокруг все живое;

как та сталь, что выходила из-под рук Главного Мастера Горна (Да Е), воспетого у поэта-философа Чжуан-цзы. Каллиграф — что сверхъестественный меч, выкованный непостижимым умом, чудесным способом в руках древнего мастера Гань Цзяна и его жены Мо Се. — И то сказать: трава сильна своею гибкостью, переживающею любой ураган; да — но истина — ... может ли она сгибаться, как трава, до подлой фальши? — Исторически знаменитые мастера каллиграфии: Янь Чжэнь-дин (VIII в.) и Оуян Сюнь (VII в.) были сильны именно созиданием живого нероглифа; однако и славные мастера тех же дней, Юй Ши-цзи и Чу Суй-лянь были объаты могучим стилем древности, подражая ее мастерам-героям. — Каллиграфу достаточно какого-либо квадратного фута, чтобы на этом пространстве набросать живые, полнокрасочные тучи; и проезжий ценитель поэта-каллиграфа, бывало, завидя волны его почерка на стене, сейчас же слезал с коня. — Его подписью, как подписью великого мастера, освящены сотни изломов и тысячи извивов сильной, могучей, прославленной кисти.

Станс VIII. Вздетое в выси

1. Гений мой слит весь, как водная масса,
С острым концом он — как сам носорог.
2. Ринулась в выси Пэн-птица до Хани,
В полдень петух прокричал в первый раз...
3. Ловко — что сдвинулись ножницы сразу!
Нежно — что в грусти цветение слив!
4. Личжи одежды; на лотосе крыша...
Друг мне бамбук! Или слива — жена!
5. Скалы нависли и рухнуть готовы...
Легкая ласточка книзу летит.
6. Поступь — как в зыби у девы бессмертной...
В мире-вселенной сияет стекло.

Это значит:

Вздетое силой своею в выси наитие каллиграфа сначала компактно слито, как бы в плотную водную массу, но его остриё уже выдается, как у носорога рог. И вот, как гигантская птица Пэн в повτικής химере Чжуан-цзы, оно вздымается в небеса — туда, где „течет“ Река Хань (Млечный Путь)... Оно неистово поет, как петух в полдень. Оно напоминает резким взмахом своим быстро сдвинувшиеся ножницы, а негой своей — томное, грустное цветенье слив. — Уподобим его еще оперению цвета недумбия личжи, или накровам дотоса... Оно дружит со строгим бамбуком и слюбилось, как с супругой, с резко красочною кислцей май. — Вот таков утес, что повис в воздухе, и как бы стремится упасть! Вот, ринулась вниз к земле быстрая ласточка... Вот так еще идет танцующею походкой неземная красавица... Или сверкнет под солнцем на весь мир глазурь-стекло.

Станс IX. В сущности строгий

1. Нет, тетиву не натягивай даром!..
В тоне, чтоб не было фальши совсем!
2. Сине-прозрачен цвет пламени чистый,
Строгий устав — в поведении, в лице.
3. Водка Ду Кана барду оставляет:
Всю процеди ее — патока сплошь!
4. В Лагерь Яфу, в Тонких Ивах (местечке),
Сам государь устремиться не мог.
5. В сути ищи простоты, чистоты лишь,
В строгости вовсе не надо причуд!
6. В круг попади и войди в наугольник:
Восемь законов постигнешь тогда.

Это значит:

Искусство каллиграфа — искусство по сути своей исключительно строгое. Вот так искусный стрелок не натянёт зря своей тетивы... Вот так отличный музыкант никогда не произведёт фальшивой ноты. — Так строго чисто синее пламя огня. Так найдутся строгие уставы для поведения и выражения в лице ученых людей. — Ванная барда, после строгой очистки, даёт концентрат сахара. Строжайшие порядки в лагере полководца Чжоу Я-фу не допустили к нему без пропуска даже самого монарха. — В самой сути этого порядка надо искать центрального, важного, чистого от примесей — так, чтобы строгое начало не впадало в причудливые приемы. Надо освободиться от компромиссов и несовместимых сложностей, а действовать, как плотник с квадратом и кругом в руках, соблюдая все восемь правил отчетливо-строгого мастера каллиграфа.

Станс X. Небрежно-изящное

1. Влажно блестящая — вот она, ива!
Ярко сверкающий — это цветок!
2. Город весною... Там — персики, сливы...
Осенью воды... Тростник и камыш...
3. Тот, дорогой мой, все тот же, такой же:
Нет ему дали — хоть к краю небес!
4. Свежие личжи мне в рот поступают,
Яшма-Бамбучина мыла шелка...
5. Бань'и аромы и Сун'ов красоты:
Девы святой молодая заря!
6. „В храм восходящие“, „в келью входящие“
Прямо дойдут до двух мастеров Ван.

Это значит:

Каллиграфия требует естественности, какого-то небрежного изящества, как ива, как цветы, как брызнувшие ранним цветом персики и сливы, как покачиванья камышей. Так, дорогой ученый друг, где бы он ни был, всегда в моих воспоминаниях он жив, и в своей позе не застывает. Так, свежие плоды идут в рот... Так, древняя дева „Бамбучок“ пленила за стиркою белья поэта Се Лин-юня своим умным и свободным ответом. Ученая дева древности Бань, в ароматах гниет, и пять красавиц из семьи Сун, пленивших ученостью своего государя; святая небожительница, сходящая к поэту с небес — вот примерно образы вдохновенного каллиграфа, дающие ему силу и шансы дойти до сверхсовершенства патриархов каллиграфии, двух древних Ванов: Ван Си-чи и Ван Сянь-чи (отца и сына).

Станс XI. Мировое в душе

1. Снежную кучу, и сделать вдруг грязью!..
В ней отпечататься — вот чудеса!
2. Золото выскрести, сделать песок лишь:
Им и рисуй — будет схоже весьма.
3. Прелесть великая — тайна внутри ее:
Явно сиянье лишь со стороны.
4. В ящик „Великий Уклон“ поместили:
Свет во все стороны ярко сверкнул.
5. Памятник крупный с истертыми знаками;
Древняя музыка вовсе без струн.
6. Маленький, еле проросший росточек...
Взявши цветок, разок улыбнуться.

Это значит:

Артист-каллиграф весь полон первозданного хаоса, тая в себе гораздо больше, чем он может это выразить своею кистью. Ее удары он хочет сделать как бы стихий-

ыми, и даже человеческую красоту, не говоря уже о красотах природы, он готов подставить под этот свой стихийный удар. Мир его — весь внутри, и его сила сияет по сторонам. — Так, древний знаменитый меч был открыт под землей, ибо его сияние было обнаружено одним знатоком великих вещей в небе. Так, древний памятник большого значения внушительен и без надписей. Так, древнюю мелодию можно напеть и без струн люти. — Поэт-каллиграф таит в себе сгущенную жизнь, как некий росток: он сейчас же распустится, и этой тайне раскрытия мира человек сам невольно улыбнется.

Станс XII. Пресно-надземное

1. Легкие тучки выходят из гор,
Как захотят: то свернувшись, то прямо.
2. Гости придут, а я не приглашал их...
Месяц виднеется только что новый.
3. Как-то случайно втыкаю я иву:
С видом таким, безразлично немым.
4. Дождь ни с того, ни с сего вдруг идет:
Ветер — поэзия, отдых душевный!
5. В пьяном наитии тушь нароняю...
Все так прозрачно, пустынно притом...
6. В сердце гордыня и суетный дух мой
Этим как раз уничтожены сплошь.

Это значит:

Поэт-каллиграф весь объят даосским отвлечением от вещей и от их вкуса, — великою преснотою, освобождающей его от земных ограниченностей и дающей ему парить духом ввысь. — Он напоминает собой тогда облако, выходящее из-за утеса и свободно играющее по лазури; или месяц, который только что родился, но не обладает еще полною красотой: он бледно-пресен, но уже велик. Поэт не знает для своих действий какой-либо причины, — как дождь, как вся природа. Он ждет как бы пьяного транса для своего вдохновения, и тогда, в этом трансе суверенной беспричинности, роняет он на бумагу иероглифы, лежащие в бесцельной отвлеченности, спонтанною чередой. В этом типе вдохновения могут улечься все страсти человеческого сердца: и гордыня и беспокойство.

Станс XIII. Искусен в тончайшем

1. Платье небесное швов не имеет,
Тучи в парче своей ярко густы.
2. Мастерство, сила друг другу равняются:
Это и есть настоящая цель!
3. Сердцем схватить *это*, дать *его* в руку,
Мере-масштабу естественной статьи!
4. Шнур выпрямленье имеет задачей,
Меч же: люблю в нем его острие!
5. Вот, перед ветром белеют пионы;
Вот, под луною мимоза цветет!
6. Гением духа блуждаю в красотах...
Словно как золото в горне, исчез.

Это значит:

Каллиграф искусством своим готов преодолеть всякий нюанс, всякую деталь. Чтобы не было видно ни скрепов, ни швов! Чтобы не расчленялась на моменты красота письма, — единою, ведь, живет густая красочность туч! И сила и искусство да единятся в моей руке, ибо весь смысл искусства только в этом! Душа в руке и рука в душе: долой искусственные масштабы! Пусть рука верна, как плотничий шнур! Пусть удар кисти напоминает удар острием меча! — И тогда искусство каллиграфа будет напоминать цветы во всей их безыскусной прелести. Мастер — весь в красоте: он растворяется в ней, как в горне золото.

Станс XIV. В изменениях и превращениях

1. Делаю копию в твердой и желтой:
Тысячелетий одна лишь стезя!
2. Руку сниму — и как только что писано!
Ветер и тучи раздельно живут.
3. Взвился пырей, песок потревожен;
Волн лишь одна, а изломов — их три.
4. Сделать упор и посадку — вверх — вниз...
Струи летят, камни разнялись!
5. Нет ничего, из него же вдруг нечто:
Перлы в настоящее, а яшмой — пылю.
6. Чудотворящая длань в пустоте...
Внемлю, провижу, как лед или снег, я!

Это значит:

Каллиграф живет вместе с Дао и великою природой в непрерывных изменениях и превращениях. Подражая владычной древности, он, все же, видит в ней жизнь бури, туч, волн морских, песчаных дюн. В буйном размахе своей кисти он садит знаки, работает над их бегом то вверх, то вниз, — и выходит словно поток, летящий сам по себе; словно молот, дробящий камни. Из ничего творится как бы нечто. Живут под кистью каллиграфа перлы, сгущенно, словно в настоящее. Разбросаны по бумаге как бы драгоценные камни. Его рука творит очарование, и в трансе мечется по пустым полям. Поэт весь в высшем постижении. Его слух и зрение открыты всему верховному, как лед и снег — свету солнца, который в них живёт сквозною жизнью.

Станс XV. Текуче-живое

1. В сердце живет „уж готовый бамбук“,
Кисть же ни в чем не желает помехи.
2. „Западногорец“ жил духом свободы,
„Северосадчий“ — тот кистью порхал.
3. Лотосы в чаше росу принимают;
Ворон спиной своей — в светах косых.
4. Ветер хороший в нелумбах пумилы...
Светит луна изумрудом сплошным.
5. Перлы-каменья в картине явились,
Создали круг изумруды фэйцуй.
6. Парус полоской летит через воды,
Ливень краснеет хаосом цветов.

Это значит:

В своем текуче-подвижном, вечно живом вдохновении идеальный каллиграф напоминает идеального же пейзажиста, который, как говорил знаменитый поэт-художник-каллиграф XI в. Су Ши (Дун-по), прежде чем изобразить бамбук, должен его иметь в своей груди уже готовым. — Так, у знаменитого философа-каллиграфа XIII в. Чжэнь Дэ-сю, по прозвищу в высокой литературе „Западногорец“ (Си Шань) был ум, весь окрыленный свободой, отраженной в письме. Так, у художника Дун Юаня (X в.), по литературному прозвищу „Северосадчий“ (Бэй Юань), кисть, как говорили тогда, прямо-таки летала. — Иногда каллиграф напоминает лотос, который чашею своего листа принимает росу, не расплескав ее и не разбрызгав. Иногда он, как ворон, несет на себе косые отсветы зари. — Так, приятен ветер, забравшийся в пумилы, или светлая луна, сверкающая жемчугами и изумрудами. Летящий парус, „ливень красных опадающих цветов“ — вот некоторые образы настроения каллиграфа-мастера.

Станс XVI. Упор и разбег

1. Древний Гунсунь, играя мечами,
Книзу и кверху летал и порхал.

2. В это, вот в это б войти и проникнуть! —
Кисть наложить бы я мастерски мог!
3. Дымка дождит, а роса уже сселась;
Цапли в порядке и гуси в строю.
4. Пара крюков острием вылезает;
В паре подмышек возник холодок.
5. Звук стал отчетливей в „Звоне ревущем“;
Ритмы кружатся, в стропилы уйдя.
6. Все до конца, и в строжайшем укладе...
Флейтой играю, гобоем звучу.

Это значит:

Каллиграф вдохновенно делает нажим и упор своей кистью, и, замерев в паузе, ею обуславливает дальнейший ее размах и движение. — Так, древний атлет Гунсунь, играя своим мечом, сообщал ему порхающую легкость птичьего полета. Вот так именно надо понять и легкость пишущей кисти. Все образы ее достижений — в природе, проникнутой самоестественными ритмами; и когда, например, приемом парного крюка каллиграф начинает свою графическую симфонию, то по коже подирает мороз. Или еще так: вот, в древней люте, которая за гремющий тембр своих струн была названа „Ревущим колоколом“, звуки в их ритмической гармонии, по окончании игры, вились где-то там вверху, в балках дома и стропилах. — Можно, наконец, дать звучать этому вдохновению во флейтах, выразив в них всю свою музыкальную задачу до конца, в строгом каноне и кадансе.

Станс XVII. Летящее в танце

1. Вдоль-поперек — как угодно, как хочешь!..
Кисть твоя — чудо, и гений сгущен.
2. Белые тучи свободны иль свиты,
В глубь океана взлетает он, Пэн.
3. Чуть не исчезло: всецело восстало;
Уровень вместе с отвесом — ты сам!
4. Словно изящество дымки туманной,
Словно разгар запылавшей зари.
5. Взлеты драконов, вздыманья жар-птицы...
Падает камень, и туча вдруг вниз!
6. В винном угаре, долой прописное!
Красная лампа ничтожна, как боб...

Это значит:

Вдохновенный каллиграф чувствует себя как бы летящим в вихре танца, который его рукою творит чудеса. Танец его кисти или нежен, как танец белых облаков в небе, или напоминает ураган от взмаха крыльев и взлета чудовищной по размерам птицы Пэн. Танец то замирает, то оживает, но стройные масштабы знаков и строк прочно сидят в самом пишущем, и никакие вдохновенные вихри кисти их не упраздняют. — Под кистью мастера живет мир, который напоминает все самое красивое в природе: то изящную дымку утреннего тумана, то разгорающийся пожар зари. Вихрь танца роднит его кисть с немислимыми взлетами причудливого дракона и сверкающего в воздухе красавца-феникса. Она то взлетит, как эти монстры, то камнем обрушится вниз; или же вдруг надвинет на мир тяжелый массив своих групп, напоминающих набухшие тучи. — Особенно, в винном угаре, артист-каллиграф отходит от всяких канонов письма. Не надо ему сильного света. Он бросает кисть по бумаге даже при тусклой лампе, величиной с горошину...

Станс XVIII. Выше и дальше всего вообще

1. Ветер чудесный по лесу задует,
Травы наклонит, в деревья пахнёт.

2. Берег древнейший, цветку там свободней...
Поле средь вод: лень там цапле стоять.
3. Смысл мирового родится внезапно:
Весь он на белом, вот этом — лишь в фут!
4. Кончил с мечтою о троне дворцовом,
Страсть зародил в себе к чащам в горах.
5. В глубь ручейка свою удочку кину,
Средь косогора кой-как притулюсь.
6. Мысли уносятся, думы глубоки:
В «Персики» путь свой ищущу я «Ручей».

Это значит:

Мастер красивого письма переживает потустороннее наитие, уносящее его вдаль от осязаемого мира. На него как бы веет ветром мировой Гармонии, свободой цветов, ленивой праздностью болотной цапли, и ему кажется, что весь смысл мировой жизни и мировой идеи — вот здесь перед ним, на клочке бумаги, по которому он разбросал свои письмена. С карьерой покончено! Вся дума его теперь только в беззаботной природе... Построить себе ничтожную хибарку где-нибудь на косогоре и мирно удить в ручейке. А сам человек — весь в мечте, весь в идее о том несбыточно прекрасном мире, который открыла людям бессмертная кисть поэта Тао Цзяня (IV—V в.) в его поэме «Персики Ручей», воспевшей поселок блаженных людей, ушедших от мира и в него не вернувшихся.

Станс XIX. И сухо и резко

1. Старая цапля выстаивает,
Дикий журавль одиноко летит.
2. Дух — весь отчетливость; кость — в ней вся тяжесть;
Вкус, как бы, пресен, а звук разрежен.
3. Там, на вершине высоких утесов,
Пики и гряды — зубчатой стеной.
4. Это сравню с художавостью астры,
Это люблю, как на яшме снежок.
5. Дух мой весь полон и Цзяо и Дао,
Гений далек от лихих ловкачей.
6. Ветер боится ли твердости, силы?
Можно ль сказать, что жирён бамбучок?

Это значит:

Под кистью мастера красивого письма рождаются знаки: острые, резкие, как бы, сухопарые и сжатые, — нечто, вроде цапли в ее излюбленной позе с поджатой лапой, или резкого контура летающего в небе одинокого журавля. Написанное проникнуто духом резкой отчетливости и держится всею своею тяжестью на костяке. Нет здесь обычных вкусов человека: великая простота без каких-либо прикрас, вот в чем красота каллиграфического произведения! — Картина письма напоминает резко отчетливые зубчатые гряды высоких гор; или, например, строгий рисунок хризантемы; или еще: еле чувствуемый влажный налет на красивой яшме. — Такое вдохновение каллиграфа напоминает знаменитых Танских поэтов, Мэн Цзяо и Цзя Дао, далеких от всяких поэтических фокусов и уснащений, стихи которых еще более их знаменитый поэт Су Ши (X в.) охарактеризовал, как контуры зимней природы: сухие, как бы поджарые, без всякой расплывчатости. — Так, резкому ветру нечего бояться каких-либо твердых; так, резкий абрис только что выбившегося из-под земли бамбучка никто не признает за жирный комок.

Станс XX. Округло-глубокая толща

1. Ласточкин лёт стал бы я ненавидеть!
Легкая, — может дать танец руке!
2. Яшмовый перстень — как он восхищает!
Нежный, не терпит поверх ничего.

3. Пояс из золота в ярком пионе...
Маки зарделися купами вкруг.
4. Там, во дворце, всё в свинцовых белилах:
Древний „Котел“ был всегда только блеск.
5. Кто-то накинул парчу, всю в узорах...
Дал из себя аромат свой цветок.
6. Чистые свету внутри накопились...
Кто сказал: „Тайна здесь! Тайная мгла?“

Это значит:

Настроение мастера письма может углубиться в нерасчленимую толщу и напоминать собой, например, слитный полет ласточки, вызывающий невольное движение кисти, имитирующее ее танец. Или это нечто вроде чудо-яшмы, не терпящей никакого футляра или облачения, покушающихся на ее целостность. Таковы полные красоты пионы и маки. Набеденные красавицы во дворце, а сама древняя столица „Котел“ (Хао) несла свою красоту в сплошной толще, со всех сторон последовательной, как последовательно и неразрывно слита в одно красота наряда и человека, аромата и цветка. Вообще, кажущийся чистым внешний блеск, на самом деле исходит из большого внутреннего накопления. — Кто, как не Будда, считал глубокое существо вещей непостижимым?

Станс XXI. Чудесно, головокружительно

1. Тысячу цзюней держать на себе —
Нитки одной то бывает заслуга.
2. В круче опасной коня осадить...
Лебедя с лука стрела напугает.
3. Мыслью, наитием недостижимое
Кисть волшебством своим может постичь.
4. Хоть и причудливо, — все по законам:
В тайну врезает работу Творца!
5. Лодка белеет в луне одиноко
В море безбрежном, а солнце красно!
6. Взором одним невозможно постичь *это*,
Выше оно, ведь, чем Хэн или Сун!

Это значит:

Артист своею кистью переживает нечто головокружительное, — вроде нити, держащей тысячепудовую гиру, — вроде коня, осажженного над самой кручей. Его кисть может достичь никем и ничем не достигаемого. Она иррациональна. Однако это не значит, что в ней только один произвол, без удержки и принципа... Она отражает собой работу Мировых Метаморфоз, как бы воспроизводя их на письме. Впечатление от мастерского письма так же ярко, как от паруса под луной, как от моря под солнцем. Оно выше, чем высоты гор: достичь их, все равно, не удастся!

Станс XXII. Гармонии и пропорции

1. „Точки, извивы, пометки, черты“
— Это Вэй Хэн в речи о Каллиграфе.
2. „Вздеть замиравшее, влить в угасавшее“
— Вот в чем И-тао нам дал образец!
3. Свиснуть иглою, лучком кувырнуться...
Яшмы влажнеют, круглы жемчуга.
4. Копит простое он, весь наводненный,
Нить его — клетка для красных ворон.
5. Выделить место, где б белое бросить,
Не ошибаясь на ли или чжу.

6. Золото в лике и яшма в отделке; Сяские ляни и Шанские ху.

Это значит:

Набрасывая свои письмена, каллиграф живет гармонией и пропорцией частей общей развиваемой им иероглифической картины. Творцы этого великолепного искусства теоретизировали его не раз, ища в словах некоего осмысления для иррациональной интуиции самого мастера. Каждая часть общей картины есть часть общей гармонии, и как таковая, осмысливается лишь на миг, чтобы не потерять связи с великим целым, и это понимали такие мастера III в. н. э., как Вэй Хэн и (Ван) И-тао (т. е. Ван Си-чжи). Один из них изобрел специфическую номенклатуру ударов кисти, как, например, точка, извив, пометка, черта; другой подошел к искусству, как философ и поэт: он увидел в нем творческую динамику, еле передаваемую словами, но несомненно действенную. — Вдруг ударить по замиравшим уже в истоме чертам; вдруг влить в угасавшие было извивы новую сильную жизнь; острою иглой пронизать пространство картины, бросивши стрелглав вниз как бы стрелчатые ростки лука, и тут же круглить и крутить перл за перлом, создавая непрерываемое, вплоть до осязания каких-то мистически сочных яшм. Поэт-каллиграф усердно копил в себе стихийные элементы, развивающие в нем ощущение Дао, и весь расплывается в нем, как вода по наводненным полям. Своими мощными нитями черт и их зигзагов он может достичь мировых эффектов: это как бы, например, посадить в клетку того самого „красного ворона“, который, как известно, воплощает в себе целый квадрант небес. Белые пространства бумаги, не заполненные графикой, подлежат не менее этой последней распределению в той же гамме и картине, а главное, в той же общей пропорции, в которой нельзя ошибиться ни на йоту. Получается не бумага с иероглифами, а роскошная выставка золота и драгоценных камней, древних чудесных вещей и великих жертвенных сосудов.

Станс XXIII. Широко, всецелым охватом живу

1. Небу подобна такая пустотность,
Морю подобна его широта.
2. Прыгают рыбы и сокол летает;
Гений в движении живет как волна.
3. Нет и оков здесь, но нет и прорывов,
Нет и помарок, вымарываний.
4. Пояс широкий, горой стоит шапка,
Шуба наброшена, холст на плечах.
5. Ткань та бумага — а, в общем, парча, ведь!
Вышито платье: а пропись — и всё!
6. Целыми днями за этим сижу я:
В светлом потоке свободный бурдюк.

Это значит:

Настроение каллиграфа переживается также, как нечто всеохватывающее, широчайшее, и подобно вечным пустотам неба и просторам моря, в котором все движется, все живет и бушует жизнью. В его письме нет переделок, подрисовок, корректур — его кисть не знает ни оков, ни небрежных ляпсусов. Он напоминает человека, не обращающего на себя внимания, одетого как попало, — и даже за лучшее вышитое платье он готов считать прекрасную пропись. Так, целые дни сидит он за упражнениями своей кисти и плавает в блаженстве, как в светлом потоке плывет непотопаемый бурдюк, на котором можно переплыть что-угодно.

Станс XXIV. Женственно-нежное, милое очень

1. Дикая яблоня дремлет весною...
„Шуню-цветочку подобно лицо“.
2. В пологе вышитом ясна красавица:
Тучны румяна в душистом возке!

КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ „ПОЭМЫ О КАЛЛИГРАФЕ“

(Читается справа)

Примечания к таблицам

I

К „Поэме о каллиграфе“
(Шу пинь)

Ян Цзин-цзэна (XVIII—XIX в.)

Станс XVII, 1: „Летащее в танце“

„... Вдоль, поперек!.. Как угодно, как хочешь!..
Кисть твоя — чудо, и гений сгущен“.

Иероглиф 虎 ху (тигр), в сильном „летащем белом“ почерке, написанный, в подражание знаменитому каллиграфу, — монголу на маньчжуро-китайской службе Мароту (кит. имя Сун Юнь 松筠, который специализировался на каллиграфии именно этого знака, чем и прославился), — маньчжурским воеводой Шань Циньом 善慶 в 1833 году. Почитатели его таланта позвали мастеров, которые выгравировали на стеле этот знак его причудливой каллиграфии. — Обо всем этом свидетельствует левая надпись сверху. Направо — маньчжурский титул воеводы, транскрибированный китайскими иероглифами, имитирующими древний почерк (чжуань).

II

К „Поэме о каллиграфе“
(Шу пинь)

Ян Цзин-цзэна (XVIII—XIX в.)

Станс I, 3: „... Бог-дух-дракон — весь в свободе своей“.

Иероглиф 龍 лун (дракон), в сильном „летащем белом“ почерке, написанный тем же каллиграфом (Шань Циньом), что и знак ху (тигр) на предыдущей таблице, в пару ему. „... Красотою брызжет здесь конец его кисти“, как говорит надпись (слева сверху) его почитателей.

III

К „Поэме о каллиграфе“
(Шу пинь)

Ян Цзин-цзэна (XVIII—XIX в.)

Станс XIII, 1: „Платье небесное швов не имеет,

Тучи в парче своей ярко густы.

2: Мастерство, сила друг другу равняются:

Это и есть настоящая цель!“.

Иероглиф 壽 Шоу (На многие годы!), написанный без отрыва кисти от бумаги известным каллиграфом Ма Дэ-чжао 馬德昭 из Сиань-фу, расписавшимся здесь слева, и выгравированный на стеле (в Эпиграфическом музее г. Сиань-фу) в 1870 г.

書品六 安竹栗園丁

楊景曾召林著

神韻

不知自來莫測所往變化無端作非非想^I
威鳳翱翔神龍游盪風起青蘋露凝仙掌
凡骨久更金丹競爽造化可通難摹厥象

古雅

曰衛曰鍾亦教亦獻校圭俱無精神斯健^{II}
漢魏遺留晉唐素絹色綦斑斕香浮羅曼
琴是已焦蔥初摘琬三代而還實為我願

瀟灑

王謝子弟奕奕聲華夫人管氏詩婢鄭家^{III}
如芝之藹如蘭之芽大硯盈尺小杜詠花
月來水榭雨潤春葩天風浩浩阿香御車

雄肆

將百萬軍破三千浪目射星垣杯傾斗帳^{IV}
神力非常老當益壯王者之前重霄之上
舉毫一揮羣公四望毛穎書生入相出將

名貴

惜墨如金鼎重器甘露醴泉聘神炫異
錢選其青雀寧其翠仙樂盈耳天香撲鼻^v
挹之神馳聞之不寐希世奇珍少雙寡二

擺脫

採回生草燃反魂香出蛇走獺理腦鍼腸
椿子增式天風留方非關素問不在青囊^{vi}
搥胸畫掌頃刻清涼妙裁療絡長勿相忘

適鍊

氣勁深秋鋼鎔大冶干將之劍昆吾之瓦
草不妨顛真豈能假顏歐結構虞褚模寫^{vii}
尺幅五雲觀碑駐馬百折千回盛名之下

峭拔

神凝似水鋒利如犀搏鵬上漢午雞初曉
爽如并剪脆若哀梨荔裳荷蓋竹友梅妻^{viii}
巖懸欲墜輕燕飛低凌波仙子世界琉璃

精嚴

弦無虛控律無毫差純青火色整飭容儀
杜康糟粕汰盡成飴亞夫細柳君不能馳^{ix}
精求簡潔嚴不離奇應規入矩八法堪追

鬆秀

濯濯者柳灼灼者花春城桃李秋水蒹葭
伊人宛在不遠天涯鮮荔入口玉笋浣紗^x
班香宋豔仙子少霞升堂入室到二王家

渾含

積雪為泥印之斯妙琢金為沙畫之愈肖
大美內含自他有耀處匣太阿瑩光四照^{xi}
沒字豐碑無弦古調茁茁微芒拈花一笑

澹逸

輕雲出岫隨意卷舒客來不速月見生初
偶然插柳安致如如無端過雨風韻於於^{xii}
興酣落墨既清且虛矜心躁氣於焉以除

工細

天衣無縫雲錦薰醲工力悉敵斯為正宗
得心應手矩矱從容繩取其直劍愛其鋒
風前芍藥月下芙蓉遊神衆美若金在鎔

XIII

變化

拳榻硬黃千古一轍脫手如新風雲各別
蓬振沙驚一波三折頓挫抑揚泉飛石裂
自無而有瓊漿玉屑妙手空空聰明冰雪

XIV

流利

胸有成竹筆無滯機西山氣爽北苑毫飛
荷盤掌露鴉背斜暉好風辟荔明珠璣
琅玕入畫翡翠成圓片帆飛渡紅雨霏霏

XV

頓挫

公孫舞劍低昂迴翔于焉悟入著筆乃良
烟霏露結鷺序雁行雙鉤露穎兩腋生涼
音朗號鐘韻遠繞梁窮機按律吹笙鼓簧

XVI

飛舞

縱橫如意筆妙神凝白雲舒卷溟渤飛鵬
幾泯起訖自具準繩如烟之裊如霞之蒸
蛟騰鳳起石陸雲崩酒酣釋帖一豆紅燈

XVII

超邁

和風吹林偃草扇樹古岸間花水田逸鷺
機趣橫生具茲尺素靖廊廟心起山林慕
深澗投竿坡間小住渺慮沈思訪桃源路

XVIII

瘦硬

老鵠善立野鶴孤飛神清骨重味淡聲希
最高峰上峭壁崔巍比菊之瘦憐玉之霏
氣含郊島神遠脂韋風豈畏勁笋豈云肥

XIX

圓厚

飛燕憎歟輕能舞掌玉環妙矣弱不勝衣
牡丹金帶罌粟紫圍鉛華在御鎬素凝輝
人披錦繡花吐芳馥清光內蘊誰曰非非

XX

奇險

千鈞所繫一縷為功危崖駐馬脫矢驚鴻
意境不到筆妙能通奇而有法奧勒化工
孤舟月白滄海日紅望不可及高于衡嵩

XXI

停勻

點點點點衛恒論書鑒滅注缺逸少楷模
懸鉞倒薤潤玉圓珠人蓄涸素絲欄未烏
分間布白不失釐銖金相玉琢夏璉商瑚

XXII

寬博

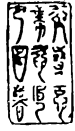
如天斯空如海斯濶魚躍鳶飛機神活潑
不束不疎非塗非抹博帶峨冠楊裘披葛
紙裱惟錦繡服帖括對之累日瀏亮渾脫

XXIII

嫵媚

海棠春睡顏如舜華清安繡閣脂澤香車
微雲浣月挹露流霞無丈夫氣博美人誇
纖不厭巧濃不厭葩投時利器貽笑方家

XXIV

光緒癸未年仲夏月

國朝中書科一書
光緒癸未年仲夏月
善慶

善慶

此字小篆之體，其筆法與「善」字相似，惟其筆勢更為舒展，且其末筆之收筆，較為含蓄，此字之筆法，實為小篆之變體也。

善慶

同治庚午季秋月

馬治

3. Тонкое облачко моет луну,
Росы налиты, струятся зарею...
4. Нет здесь огромного духа мужчины,
Славой красавицы все здесь полно.
5. Тонкость — не против искусственности,
Роскошь не брезгает пышным цветком.
6. Ловко, ко времени поданное,
Терпит насмешку от знающих дело.

Это значит:

Творчество артиста-каллиграфа может быть женственно-очаровательным, как дремлющая яблоня, как прелестная женщина. В его иероглифах исчезает резкий взмах сильной кисти, и он работает над достижением сплошной грации и тонкости. Однако изощренность в этом направлении может вызвать у знатока только улыбку.
